

УДК 128:130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.053

МОЛЧАНИЕ И УМОЛЧАНИЕ В ИСТОРИИ. К ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ ИКОНОГРАФИИ ЯСЕНОВАЦА

А.А. Гусева

ФГБУН «Институт философии РАН», г. Москва

Тема молчания/умолчания в истории, рассмотренная в философском аспекте, дает новые возможности для анализа и интерпретации исторических событий, включенных в национальную, культурную, историческую память. По словам Б. Кроче, эстетика – наука о выражении, прежде всего словесном – но и образном. Иконографический ряд, связанный с сюжетом о новомучениках сербских, выстраивает нарратив о пострадавших в годы Второй мировой войны, важным структурно-семантическим признаком которого является линия молчания/умолчания. Предметом исследования стала философская экспликация исторического сознания и памяти, связанная с Ясеновацким концлагерем, где погибло более 700 тыс. сербов. Молчание в истории может быть связано не только с идеологическими причинами формирования памяти (рекоммеморацией), но и с чувством сакрального – святого и страшного, которое не может быть выражено вовне. Инструменты сакрализованного забвения, актуальные для более древних агиографических нарративов, еще не работают – поэтому в данном случае можно говорить не только об экзистенциальном молчании, но и об онтоэстетическом аспекте молчания, в основе которого восполнение мира – и перенесение страдания в область надмирного, что дает повод для нового осмысления исторического сознания.

Ключевые слова: *молчание/умолчание в истории, историческое сознание, историческая память, ясеновацкие мученики, история Сербии.*

Сегодня философское осмысление истории вызывает особый исследовательский интерес: острую актуальность приобретают проблемы исторического сознания, вопросы формирования культурной и социальной памяти. Исследования, связанные с политикой памяти, целостный образ прошлого, сопряженного с настоящим, заставляют переосмыслить эту синтонность (следующее определение синтонности дает М.А. Барг: «это такая форма общественного сознания, в котором совмещены все три модуля исторического времени – прошлое, настоящее и будущее» [2, с. 49]; ср. известные слова Карла Ясперса: «наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее» [16, с. 135]), включая в нее не только твердый событийный ряд, но и провалы, пропасти молчания, огибающие исторический нарратив. Достаивание всей системы происходит с помощью конструирования памяти, исторического и общественного сознания, и

тут свою роль играет историческая политика как собирание национального прошлого и прошлого вокруг него.

Балканы всегда представляли собой важное стратегическое поле для моделирования европейского и мирового политического пространства – и пример, связанный с изображением и жизнью в образе памяти мучеников Ясеновацких, позволяет хоть немного прикоснуться к миру «больших нарративов», меняющих границы государств и народов, моделирующих идентификацию и, в конце концов, определяющих выбор человека [9].

Историческое сознание обладает такими собирающими чертами, как стихийность, мифологичность, связь с менталитетом народа, может быть «обыденным» или «научным» [12]. В этом контексте молчание относится к уровню обыденного. Умолчание же сложно отнести строго к одному из этих двух уровней, поскольку адресат и адресант умолчания, как правило, несопоставимы в плане целей и задач исторического нарратива.

Если говорить о сербской культуре (и т. н. виктимных культурах вообще), молчание представляет собой форму памяти – это молчание о том, что такое «золотой век» и где та небесная Сербия от края до края, о том, что никак не объяснить словами и можно передать только в молчании, которое в философском понимании может рассматриваться как онтоэстетический момент. Особенно ярко это прослеживается в образах Ясеноваца – ландшафтных, памятных, иконографических, вербальных.

С этим местом связана еще одна важная точка прошлого: в 1775 г. был основан монастырь Ясеновац и первой постройкой стал храм Рождества Иоанна Предтечи, который первым же и был разрушен при постройке здания концлагеря. В 1984 г. храм был восстановлен, но снова разрушен войсками в сложные для Югославии 1990-е гг. (во время операции «Молния»). С 2000 г. отсчитывает свою историю Ясеновацкий женский монастырь. Одна из насельниц монастыря, м. Мария (Антич) – художница, создавшая и экспонировавшиеся в России образы Ясеноваца в иконописном стиле.

В 1941 г. на территории Независимого государства Хорватия была создана система концлагерей. В Хорватии, единственной из стран Европы, были собственные концлагеря, «среди самых крупных: Даница, Джаково, Керестинец, Крушчица, лагерь на острове Паг, Лоборград, Саймиште, Стара-Градишка (был создан специально для женщин и детей), Ядовно, Ястребарско (там содержались дети от одного месяца до 14 лет) [11, с. 87]. На их фоне выделялся Ясеновац – система лагерей смерти. В отличие от Освенцима, Дахау, Бухенвальда, Равенсбрюка Ясеновац не так известен в мировой исторической и политической литературе, поскольку часто оказывался «на границе» нарративов, конструирующих историческое сознание и память. По свидетельству сербского антрополога Срболоба Живановича, в лагере погибло 700 тысяч сербов, 23 тысячи евреев и 80 тысяч цыган. Многие из заключенных (выживших было крайне мало) приняли мученическую кончину и были прославлены в лике святых. 13 сентября православная церковь прославляет собор новомучеников Ясеновацких (празднование установлено 7 апреля 2012 г.).

Тема Ясеноваца в различных типах изобразительного дискурса – архитектоника ландшафта, увековечивание в камне, иконописные изображения – связана с рядом «память – забвение – умолчание – молчание». Линия молчания и умолчания раскрывается в судьбе Ясеноваца разными гранями, прежде всего это связано с историческим сознанием и проблемами памяти. Однако если посмотреть глубже, то окажется, что молчание в историческом контексте тем более должно рассматриваться как философский термин, а не только как сугубо коммуникативная реакция в диалоге, хотя это две взаимодополняющие, тесно связанные стороны мира. Вопрос в том, что речь часто берется в ракурсе диалога, речевого акта и только.

Молчание может быть частью коммуникации (в том числе как отсутствие означающего или нежелание или невозможность его называть), определенной реакцией в диалоге, может быть связано с эстетическим полем, быть способом познания (гносеологический аспект) или касаться онтологических глубин, включая существование собственного «я». В любом случае, молчание определяет отсутствие звучащей (и только звучащей) речи – или значимое отсутствие нарратива о данном событии, которое составляет основу речи о бытии (ср. фразу В.В. Бибихина «если о вещах молчат, это не значит, что их не видят» [4, с. 159], так молчание выступает как форма видения).

Умолчание – намеренный обрыв высказывания, апосиописис. В умолчании может заключаться намек как абрис события, россыпь взметнувшихся точек. Это такая речь о событии, которая намеренно уводит слушающего в область домысливания, замыкая его на самом себе и собственном опыте. Часто ставится вопрос: является ли умолчание ложью и в какой степени. Умолчание – это по крайней мере сокрытие. Молчание – хранение. Об умолчании можно говорить, когда видимая речь есть, и тогда умолчание можно определить как значимое отсутствие фрагмента речевой единицы; молчание же – отсутствие самое речевой единицы, или, лучше, это то, когда речь невидима, и тогда наступает время невидимой речи. Если говорить о нарративах, в том числе агиографических, да и любых других, то молчанием открывается дверь в метафизику и онтологию.

По словам Б. Кроче, эстетика – наука о выражении, прежде всего словесном – но и образном. Иконографический ряд, куда относятся иконописные изображения, рукотворные ландшафты, памятники архитектуры, жития, свидетельства, связанный с сюжетом о новомучениках Ясеновацких, выстраивает нарратив о пострадавших в годы Второй мировой войны. Тогда же проводилась насильственная католизация жившего на территории Хорватии сербского населения, что, впрочем, не всегда спасало его от гибели. Эти сюжеты изображают, например, росписи собора свт. Саввы Сербского в Белграде или фрески в трапезной монастыря Тумане. Разброс экспозиции широкий, потому что слишком долго тема Ясеноваца была под гнетом намеренного исторического умолчания.

Молчание в истории может быть связано не только с идеологическими причинами формирования памяти (рекоммеморацией), но и с чув-

ством сакрального – святого и страшного, которое не может быть выражено вовне. Сюжеты, связанные с изображением новомучеников Ясеновацких, говорят о событиях относительно недавней истории; инструменты сакрализованного забвения, актуальные для более древних агиографических нарративов, еще не работают – поэтому в данном случае можно говорить об экзистенциальном молчании, где боль, страх, искупительная жертва встречаются в одном пространстве и переносятся в область надмирного, давая повод для нового осмысления исторического сознания. И молчание становится нашим – и нашим свидетельством о событии.

(Молчание как свидетельство в аспекте исторического сознания может относиться к области онтоэстетического [8] – или к полю эстетической теологии, в рамках которой и можно трактовать образы Ясеноваца.)

Итак, в 1941 г., после поражения Югославии в Апрельской войне (Апрельская война («Директива № 25») – нападение сил Оси на Королевство Югославия 6 апреля 1941 г., что стало первым этапом начала Второй мировой войны на территории Югославии. Закончилась 17 апреля 1941 г. капитуляцией, оккупацией и разделом страны между агрессорами: Германией, Италией, Венгрией и Болгарией [1]), под руководством Анте Павелича начинается строительство Независимого государства Хорватия, в состав которого входила Босния и Герцеговина, где проживало большое количество сербских семей. Проводилась идея полной «очистки» территории от сербов. Устами одного из лидеров Независимого государства Хорватия Миле Будака было заявлено: «Одну часть сербов мы уничтожим, другую выселим, остальных переведем в католическую веру и превратим в хорватов. Таким образом, скоро затеряются их следы, а то, что останется, будет лишь дурным воспоминанием о них. Для сербов, цыган и евреев у нас найдется три миллиона пуль». Об этом, в частности, свидетельствует газета *Hrvatski list* от 22 июня 1941 г. Тогда же были изданы законы, способствующие забвению сербами своей истории и идентичности: «Законодательный акт о запрете кириллицы», «Законодательный акт о расовой принадлежности», «Законодательный акт о гражданстве», «Законодательный акт о переходе из одной веры в другую».

Ни один фашистский режим в XX в. не обходился без лагерей смерти. Появились они и в Независимом государстве Хорватия, которое существовало в основном на территории нынешней Хорватии и Боснии и Герцеговины с апреля 1941-го по май 1945 г. Ясеновац стал одним из самых крупных лагерей этого периода (его площадь, по словам хранителя ясеновацкого музея Симо Брдара, составляла 240 кв. км.) В 1945 г. хорваты оставили его территорию, уничтожив часть архива.

В отличие, например, от Освенцима и Заксенхаузена, в Ясеноваце не было крупного официального мемориала или музея, а сами постройки были просто разрушены, земля в местах захоронений была выровнена, и территория лагеря представляла собой зеленый газон – это чуть ли не единственный случай полного уничтожения крупного лагеря в Европе: лагеря сохранялись

как мемориалы даже в странах фашистской коалиции. Безмятежная зелень свежей травы как черта ландшафта места мученичества и гибели сотен тысяч людей является характерным маркером, весьма выразительно говорящим о специфике умолчания и необходимости забвения этой страницы истории.

Своеобразным антонимом Ясеновацкого нарратива в контексте исторической памяти можно назвать «Блайбургский марш» (другие названия – «Блайбургская трагедия», «крестный путь») [3]. У этого места памяти есть своя история. В 1990-х гг., создавая государственную идеологию «на базе полного отвержения коммунистического прошлого и пытаясь обнаружить основы “национального духа” в предшествовавшем созданию СФРЮ периоде, Хорватия оказалась в довольно двусмысленном положении. В рамках осуждения диктатуры Иосипа Броз Тито и героизации борцов за независимость страны были частично оправданы персонажи и движения, крайне далекие от демократических ценностей современной Европы, с которой новая элита так стремилась соединиться» [10, с. 50].

Хорватская стратегия памяти о прошлом, стараясь перевести в область умолчания и забвения события, связанные с ясеновацкими жертвами фашистских преступлений, столкнулась с непростой ситуацией. «Лакмусовой бумажкой, высветившей зыбкость фундамента исторической политики Загреба, стало отношение к Холокосту. Его коммеморация изначально была неким маркером принадлежности “европейской семье”, элементом значимого ритуала, обязательного для всех государств-членов ЕС. Это вызывало определенный дискомфорт» [10, с. 50]. Необходимо было найти выход – создать «перекрывающий» нарратив. Так были найдены две стратегии. Первая – «преступления Второй мировой войны и преступления Холокоста вспоминались как совершенные против хорватов, но не ими самими» [10, с. 50], в результате чего «обходится молчанием» и постепенно стирается, переходя в область забвения, роль и связи политической верхушки Независимого государства Хорватия. С 1995 г. на территории Австрии ежегодно 15 мая отмечается Блайбургский день, на который собираются тысячи людей. «Организаторы успешно используют механизм культурной апроприации, активно внедряя в информационное пространство описание Блайбурга в терминах “Холокоста хорватских мучеников”» [10, с. 50]. Вторая стратегия – в отделении еврейских жертв усташей от сербских с целью «сделать хорватский нарратив о Холокосте частью устоявшегося и более общего европейского нарратива» [10, с. 52]. Подобная методика может быть отнесена к так называемой виктимной исторической политике. Получение «виктимного статуса» дает возможность, защищая свои национальные интересы (главной задачей в данном случае является стремление избежать потери национальной идентичности), выстроить систему исторических фактов таким образом, что «вторая сторона» в интегративном общественном сознании воспринимается как явный агрессор, своей основной целью ставящий поправление соседа-жертвы, и в центре национального или государственного «виктимного»

нарратива таким образом оказывается жажда сатисфакции как справедливо-го возмездия за злодеяния агрессора. Такая стигматизация, базируясь на конструировании исторического сознания и памяти, используется довольно часто, поскольку это несет определенные, в том числе экономические и моральные, выгоды.

Укрепления и постройки Ясеноваца, как уже говорилось, были уничтожены еще в конце 1940-х гг. (в 1946-м г. их начали разбирать, в 1951-м от них практически ничего не осталось). Однако стихийная память о нём сохранялась и во времена Иосипа Броза Тито (при том что он сам ни разу не посетил это место), и лишь жесткие рамки политики памяти не позволяли ясеновацким нарративам стать частью общего исторического нарратива о той войне – поскольку «воспоминания о Второй мировой не сплывали, а разделяли народы Югославии» [13, с. 146]. Память о Второй мировой войне начала собираться фактически после 2008 г., что было связано с переоценкой прошлого под влиянием нового периода русско-сербских отношений. К тому же события Второй мировой на территории бывшей Югославии воспринимались и до сих пор воспринимаются сквозь призму гражданской войны.

На протяжении двадцати лет на месте трагедии не было ни одного официального памятника. В 1950-х гг., после «затирания» визуального следа трагедии, был объявлен конкурс на монумент жертвам фашизма. Только в 1960 г. правительственная комиссия и лично Тито выбрали подходящий проект «Каменный цветок» – автором был Богдан Богданович (1922–2010), советник И.Б. Тито по вопросам культуры, известный уже тогда архитектор. Он отказался в своем проекте от прямого изображения ужаса и смерти и не захотел в своей работе «возвращать зло к жизни», представив проект в своем стиле «космической архаики».

Заметим, что остальные предложенные на конкурс проекты, по воспоминаниям Богдановича, «были решены в советском духе: изображения могил, тела убитых, скорбящие фигуры, безголовые тела и головы без тел». По словам архитектора, если бы он захотел показать ужасы и страдания, это было бы слишком страшное и отталкивающее зрелище, к тому же способное спровоцировать межэтническую напряженность, что, безусловно, соответствовало политике памяти, проводимой И.Б. Тито – и кроме того, подчеркивало особенную «югославскую» идентификацию, отличную от эстетического модуля места памяти Великой Отечественной в СССР.

Памятник был открыт в 1966 г. Бетонный раскрытый к небу пятилепестковый цветок, 24 метра высотой, диаметром 36 метров, символизирующий жизнь, постоянное обновление, преодоление страдания и прощение – по сути, тоже нарратив об исторических событиях, происходивших здесь, но в сочетании с императивом забвения и трансформации исторической памяти. На цветке выбиты безлично-анафорические строки из поэмы Ивана Горана Ковачича «Яма»:

Где ж блеск стекла, куда же счастье дели?

Где ласточки гнездо? И что же сад затих?
Где стук знакомой колыбели
И в луче солнца рой пылинок золотых? (цит. по: [6, с. 9])

Под основанием памятника находится склеп, к нему ведут шпалы – такие же, как у железной дороги, по которой в Ясеновац привозили пленных. Насыпи вокруг символизируют места расположения зданий концлагеря.

Богданович, автор множества работ по урбанистике, создал необычный стиль архитектоники «текста в камне», который можно назвать «архаическим символизмом». Он создал более двадцати мемориалов-кенотафов, посвященных жертвам Второй мировой. Будучи участником Сопротивления, он видел и чувствовал тему особым образом, отражая свой недолгий опыт участия в военных событиях в странных, почти космических памятниках, словно вырастающих из земли, наполненных архаичной символикой, отсылающих к фольклорным образам. Однако и он получал упреки в «затирании памяти» и «заливании бетоном ран войны». Его произведения «не соответствуют традиционным схемам мемориальной типологии» [15, с. 119] и как будто не связаны с конкретным отображаемым сюжетом, как бы ожидая от зрителя следования за нарративом умолчания.

В 1982 г. Богдан Богданович стал мэром Белграда. Сложные отношения с Милошевичем заставили его покинуть этот пост. Он переехал в Вену, продолжая работать над теоретическими аспектами градостроительства. Большую роль для него по-прежнему играла тема памяти – в одном из интервью он говорит, что мечтает о Европе без монументов войнам и бедствиям [14].

Еще один памятник мученикам Ясеновацким, открытый 13 сентября 2020 г., – произведение русского скульптора Сергея Шихачевского «Памятник сербско-русским страданиям» – тоже может быть отнесен к теме жертвы и жертвенности. Установленный в монастыре Ясеновац перед храмом Рождества Святого Иоанна Предтечи, с которого начиналась история данного места не только как места памяти, но и как иеротопоса, он представляет собой стелу, увенчанную скульптурой ангела с крестом в руках, внизу – лики святых великомучеников и тексты на церковнославянском языке, также выстраивающие рассказ о событиях. Образ – вербально-символический, буквально считываемый христианским сознанием, в отличие от ландшафтно-символического «нейтрального» Каменного цветка Богдановича. Высота монумента составляет около 4,5 м.

Шихачевский в одном из интервью замечает: «Изображение тоже является текстом» [7], и тогда весь памятник представляет собой нарратив, включающий события Ясеноваца в гимнографическое пространство. «По проекту должен быть совершенно простой геометрический крест – вертикаль и горизонталь, и ничего более. Но когда уже Ангел был вылеплен и все это одно на другое стало, я совершенно отчетливо увидел, что тот крест не пойдет. Я стал искать крест. И вдруг пришло озарение – провести

мостик между трагедией XX века и трагедией Косова поля. Это же трагедия всей восточной церкви вне времени. И вот эту вневременность я хотел этим византийским крестом подчеркнуть. С одной стороны – вневременность, а с другой стороны – связь» [7].

Памятник Богдановича говорит о другом, он об умолчании и забвении, изменении исторического модуля на конъюнктив. Памятник Шихачевского – о речи как молчании, которое становится свидетельством о подвиге. Можно сказать, что экзистенциальный дискурс архитектурного письма Богдановича здесь переходит в онтоэстетическую область и молчание становится качественно другим.

Линия молчания и умолчания связана с ситуацией речи, как ее понимал О. Розеншток-Хюсси, – причем речи исторической. Ясеновац хранит свидетельства о патологических формах убийства. Сюжет, связанный с мучеником Вукашином из Клепаца и его убийцей Жилой Фригановичем, пожалуй, самый известный. Есть текст «Свидетельство палача», который записал нейропсихиатр Неделько Зец, к которому обратился Фриганович.

Вукашин принял мученическую кончину в 1943 г. Прославлен в 1998 г. в соборе Ясеновацких мучеников (день памяти мч. Вукашина 29 мая). Известно несколько его иконографических изображений. История его подвига такова. Вукашина угнали в Ясеновац из родного села. В лагере он привлек внимание палача Жилы Фригановича тем, что смотрел на приготовление к страшным казням с каким-то непонятным глубоким спокойствием. Фриганович принял это как вызов, поставил его на краю рва, велел ему кричать «да здравствует Павелич», но Вукашин молчал. Это было совершенное молчание, где перфект, «свершившееся во мне», – представляет собой модуль свидетельства о мире, восполнение цельности мира моим свидетельством о нем (противоположность этому молчанию – молчание из-за отсутствия точки себя, как определяет Бибахин, «люди исподволь воздерживаются от мысли и речи, опасаясь нарушить неведомую тайную связь с опорой на их существа, о которой они редко позволяют себе думать» [4, с. 165], что, все-таки, ближе умолчанию или по крайней мере расположено между молчанием и умолчанием). За каждое молчаливое деяние Фриганович отрезал мученику нос, уши и пр. Последнее действие Вукашина, изображаемое на иконе мученика (и тут, в этом молчании, снова разверзается речь, по Розенштоку-Хюсси) – крестное знамение, за которое убийца отрубил ему руку. На иконе это тоже, как ни странно, воспринимается как молчание, несмотря на свиток в уцелевшей руке Вукашина. Это молчание – восполняющее. Фриганович обещал вырвать Вукашину сердце – и услышал лишь: «Сынок, делай свое дело», – и в этих словах был такой небесный покой, что Фриганович вырезал ему сердце, выколол глаза, перерезал горло, но с тех пор не стало ему покоя и тишины. Молчание мученика перевернуло мир.

Молчание становится важнейшей частью говоримого, его основой, подлежащим речи о мире, если можно выразить эту проблему в терминах фи-

лософской грамматики. «В предложении происходит пробное составление мира», отмечает, цитируя Л. Витгенштейна, Бибахин [4] (ср.: в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна предложение названо моделью мира (4.0.1), именно этот отрывок цитирует Бибахин) – но речь, с молчанием, невербальными топосами, – и есть составление мира и одновременно сам мир.

Тема молчания в приведенном примере, конечно, несмотря на описанную ситуацию своеобразного диалога, не только лингвокоммуникативная, – но глубоко философская. В.В. Бибахин говорит о человеке как о первом молчащем существе: язык человека «начинается с выбора говорить или не говорить» [4, с. 158], при этом в основе языка – молчание, и это ясно видится в речи Вукашина к Фригановичу. В этом выборе проявляется свобода человека говорить и творить мир: «выбор между молчанием и речью, принадлежащий к первой и последней свободе человека, проходит через весь язык, смещая его семантику, и позволяет называть его отражением вещей во всем размахе этого слова». Так язык «оказывается связан с бездной человеческой свободы в каждой частице». Нарратив о мученике Вукашине Ясеновацком говорит о том, что «есть события, полное участие в которых требует отказа от их именованья и осмысления» [4, с. 161]. У человека есть право на молчание – или даже право молчания, или выбор молчания.

«Тайна будущего века» – так определил молчание Исаак Сирин, и в этих словах слышно эхо свидетельства о мире, сотканного из личного переживания истории, когда показанное в нарративе мученичество осознается как часть собственного «я», восполняющее молчанием мир до целого.

Сербская национальная история всегда родовая и личная – и совершенная, это ставшее во мне самом свидетельство, которое вошло в мою телесность и теперь неотъемлемая часть меня, как у Аверинцева «до боли, до крови, до кости, до конца» (стих о святой Варваре), и эта история может раствориться только с исчезновением телесности – но в рамках христианского антропологического дискурса это означает, что история приобретает маркер вечности, а значит, любое покушение на нее воспринимается как попытка стереть христианские (православные) основы жизни.

Житие мученика Вукашина, несмотря на присутствие темы жертвы, не имеет отношения к виктимизации и виктимным культурам, как и житие Бориса и Глеба, первых русских святых, ныне почти забытых, или Феодора Варяга и сына его Иоанна. Молчание мученика делается здесь разверзающейся точкой, ведущей в тишину Великой Субботы – «Да молчит всякая плоть...», за которой неотвратимо настает Воскресение – или же золотой век.

Мера такого молчания – любовь как восполнение мира. В этом случае, наверное, некорректно было бы говорить об экзистенциальном модусе молчания – точнее, только о нем. Здесь открывается онтоэстетическое поле, к которому, как пишет М.В. Михайлова, относится молчание как ничто и молчание как любовь [8, с. 89]. Молчание мученика-свидетеля имеет особую значимость – «значимость молчания как непосредственного доступа к

основам мира и в конечном счете – как открытости измерения священного» [8, с. 92].

Молчание – не отрицание речи, не отказ от нее; в нашем примере молчание мученика Вукашина – это сама речь, которая способна к преодолению «сущего как развертывания данностей, уже освоенных в предшествующем культурном и персональном опыте и потому ограничивающих свободу личности» [8, с. 125]. Молчание делает отступление невозможным: каменные ступени, по которым шагает говорящий человек, стесываются с каждым шагом, чтобы речь не имела обратной силы, только так «невозможное становится необходимостью», а не просто неизбежным. Так рождается этос свидетельства (мученик – свидетель).

В молчании нет разрушения. Оно делает возможным «опыт прорыва за предел языка, накладывающего разметки на реальность, дающего мир как структурированное множество отдельных вещей» – и таким образом собирающая функция молчания становится возможной. С другой стороны, кроме восполнения, собирания–исцеления молчание «адекватно тому уровню опыта, на котором личность в движении трансцензуса вступает в отношения с миром как целым» [8, с. 125] – и это как будто выносит собирающую работу молчания за скобки, трактуя начало действия как помещение говорящего человека в сердцевину мира и вещи и вступления на путь апофазиса.

Молчание стоит рядом с непостижимым, таинственным, тайной – в философский контекст эту проблему ввел Габриэль Марсель, связав тайну и телесность через понятие обладания; та перфектность сербского исторического сознания, о которой мы говорили выше, коренится именно здесь.

«Онтологически молчанию соответствует тайна, которая в философском и религиозном опыте раскрывается как вступление в отношения с Ничто, которое проявляет себя в любви. Апофазис, будучи методологическим аналогом безмолвия, позволяет достичь такой интенсивности созерцания, где недействительны бинарные оппозиции, логические системы и структурные формы сознания» [8, с. 125]. Поднимаясь в молчании по каменным ступеням и стесывая их за собой (поскольку всякий опыт все-таки индивидуален), мы выходим «к Ничто, которое парадоксальным образом являет себя как полнота», и тут, на этой вершине, в отсутствии привычных предикатов, оказывается, что мир «храним и движем любовью» [8, с. 130].

Молчание мучеников, «страстотерпчество» – и это особенно видно в теме Ясеноваца – наполнено мощной живой силой, любовью, которую можно было бы назвать всепобеждающей любовной речью к Богу (омонимичной речи Симоны Вейль). «Опыт любви ... интегрирует духовность и телесность, активность и смирение, дар и благодарение, обычное и исключительное, индивидуальное и имперсональное» [8, с. 130].

28 октября 2010 г. в Санкт-Петербургском университете состоялась международная научная конференция «Православно-католический диалог после Ясеноваца», название которой отсылает ко времени «после Освен-

цима», впервые, как считается, сформулированным Т. Адорно (в российском философском поле возникла тема «возможности быть» после ГУЛАГа, рассмотренная, в частности, в трудах В.А. Подороги).

На этой конференции был показан документальный фильм-интервью «А Бог молчал» (название фильма отсылает прежде всего к евангельскому событию моления о Чаше и включает в себя множество других аллюзий к Священной истории), представленный режиссером Симо Брдаром, директором и куратором мемориального комплекса Донья Градина, который входил в систему Ясеновацких лагерей. Им были организованы раскопки мест массовой гибели жертв геноцида, снято шесть документальных фильмов о событиях Ясеноваца и написано несколько книг.

Герой фильма, Кадик Данон Брако, выжил концлагере, в котором погибли его родные, все 45 человек. После освобождения Кадик Данон написал книгу «Пресеченный род Данонов». О подготовке к съемкам своего фильма Симо Брдар рассказывает так (показательно, что и этот рассказ связан с молчанием и речью): «Когда я предложил сделать документальный фильм, он молчал. Потом он сказал мне: “Отложим ненадолго. Надо собрать силы, чтобы рассказать об этом”. Через несколько дней позвонил ему по телефону: “Ну постарайся”. И мы начали снимать. Снимали один день. Потом он мне позвонил: “Вот на следующий я не могу”. – “Почему, господин Данон?” – “Что-то плохо с сердцем, надо отдохнуть”» [5]. Так из свидетельства-молчания Кадик Данон Брако «вытаскивал» речь, превосходя возможности слова, чтобы рассказать о том, что страшнее смерти. Он сам говорит о себе: «Я последний еврей в Югославии, который пережил концентрационный лагерь Ясеновац в Независимом Хорватском государстве усташей» [5] – участвовать как свидетель в съемках и откликаться своим естеством на однажды уже пережитое было невыносимо, и вскоре у Кадика Данонона случился инфаркт. Но после выздоровления он просил Симо Брдара продолжить снимать – он сам стал своей речью и собственным свидетельством: «Я не желаю умереть, пока не расскажу» [5]. Жизнь свидетеля оказывается его речью.

Пик трагического в истории всегда сопряжен с огромной работой переосмысления и поиска метафор для исторического нарратива в установление памяти. Всесожжение (это отмечает А.Б. Ковельман) как метафора распадается на два смысла: жертвоприношение как бескорыстное жертвование лучшим, что есть, и как сожжение живого существа, полностью сжигаемого на жертвеннике. В свою очередь, секулярное культурно-семантическое наполнение метафоры Холокоста связано с уничтожением лучшего, что есть в мире (в жертву всегда приносится лучшее и первое). Теологический нарратив предполагает иное. В молчании Моисей стоит перед Богом – и это антифонное молчание-диалог, восполняющее мир до целого.

Ясеновацкая трагедия как часть сербского исторического нарратива отсылает к теме последней жертвы и последней битвы, за которой следует золотой век и обетованная «небесная Сербия» князя Лазаря, смысл и акме сербской истории как истории Промысла о народе. Философская тема

молчания, рассмотренная на примере образов, связанных с ясеновацкими мучениками, кроме экзистенциально-антропологического модуса, приобретает онтоэстетическое значение, сплетаясь с темой исцеления, любви, речи, свободы и раскрываясь в контексте философско-богословских аспектов. Историческое сознание тогда становится не только и не столько плодом политики памяти, но результатом выстраивания себя и осмысления своего «я» в контексте богословия истории.

Список литературы

1. Апрельская война. [Электронный ресурс]. (URL: <http://www.zlocininadsrbima.com/RU/Prestup.aspx?Naslov=Апрельская-война-1941-года> (дата обращения: 30.11.2023))
2. Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории 1982. № 12. С. 49-66.
3. Белов М.В., Кузнецова С.В. «В память о невинных жертвах...». Спорное место памяти Хорватии // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13(4). С. 157–177.
4. Бибихин В.В. Язык философии. СПб.: Наука, 2009. 535 с.
5. Вассоевич А.Л. Ясеновац – трагедия всего человечества // Проект «Непридуманные рассказы о войне». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.world-war.ru/yasenovac-tragediya-vsego-chelovechestva/> (дата обращения: 30.11.2023).
6. Леонтьев Н. Усташские лагеря смерти в Независимом государстве Хорватия в 1941–1945 гг. М.: Издательские решения, 2021. 450 с.
7. Миленович-Костурков Т. Автор Памятника в Ясеноваце Сергей Шихачевский. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruserbia.com/culture/avtor-pamjatnika-v-jasenovace-sergej-shihachevskij-ljubov-serbov-k-nam-jeto-chto-to-osobennoe/> (дата обращения: 30.11.2023).
8. Михайлова М.В. Молчание как форма духовного опыта: эстетико-культурологический аспект. Дисс. ... канд. филос. н. СПб., 1999. 158 с.
9. Переверзенцев С. Изобретение истории. Как в историческом сознании соседствуют мифы и наука // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/izobretenie-istorii/> (дата обращения: 30.11.2023)
10. Пономарева А.М. «Неудобное прошлое» Второй мировой войны в исторической политике Республики Хорватия // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 4. С. 39–67.
11. Пономарева Е.Г. Ялтинская конференция и югославский вопрос: история и современность // Обозреватель. 2020. № 1. С. 79–92.
12. Скепкина А.К. Гносеологические аспекты структурирования исторического сознания. Дисс. ... канд. филос. н. Барнаул, 2009. 143 с.
13. Тимофеев А.Ю. Метафорфозы памяти о боевом братстве русских и сербов в годы Второй мировой войны в современной Сербии // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13(4). С. 142–156.
14. Толстова А. Неудобная утопия. Наследие югославского модернизма на «Манифесте» в Косово // Коммерсант. 2.02.2022. № 29 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5526115> (дата обращения: 30.11.2023).

15. Хомяков А.И. Мемориалы нашего времени. Антология // Architecture and Modern Information Technologies. 2017. № 4(41). С. 117–132.
16. Ясперс К. О смысле и назначении истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

SILENCE AND SILENCE IN HISTORY. ON THE PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF THE ICONOGRAPHY OF JASENOVAC

A.A. Guseva

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow

The theme of silence in history, considered in a philosophical aspect, provides new opportunities for the analysis and interpretation of historical events included in national, cultural, historical memory. According to B. Croce, aesthetics is the science of expression, primarily verbal, but also figurative. The iconographic series associated with the story of the New Serbian Martyrs builds a narrative about the victims of the Second World War, an important structural and semantic feature of which is the line of silence/silence. The subject of the study was the philosophical explication of historical consciousness and memory associated with the Jasenovac concentration camp, where more than 700 thousand Serbs died. Silence in history can be associated not only with the ideological reasons for the formation of memory (remembrance), but also with a sense of the sacred – holy and terrible, which cannot be expressed externally. The plots related to the depiction of the New Serbian Martyrs speak about the events of recent history; the tools of sacralized oblivion, relevant to more ancient hagiographic narratives, do not work yet – therefore, in this case, we can talk not only about existential silence, where pain, fear, and atoning sacrifice meet in the same space, but also about the ontoesthetic aspect of silence, which is based on the replenishment of the world – and the transfer of suffering to the realm of the supramundane, which it gives rise to a new understanding of historical consciousness.

Keywords: *silence/silence in history, historical consciousness, historical memory, the Jasenovac martyrs, the history of Serbia.*

Об авторе:

ГУСЕВА Анна Андреевна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук, ФГБУН «Институт философии Российской академии наук», г. Москва. E-mail: uhlein@rambler.ru

Author information

GUSEVA Anna Andreevna – PhD (Philosophy), Research Fellow at the Department of the History of Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: uhlein@rambler.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.11.2023.
Дата принятия рукописи в печать: 02.12.2023.